

Несомневающийся врач – вредно для здоровья

ЭТО ИСТИНА, ПРОВЕРЕННАЯ ВРЕМЕНЕМ

Наталья ПОДКОРЫТОВА

Однажды заслуженный артист России Анатолий Филиппенко и заслуженный врач России Евгений Самборский поменялись местами. Анатолий Филиппович сел в кресло главного врача ОКБ №1, а Евгений Васильевич занял место пациента. Артист сдался очень быстро, сказав, что невыносимо тяжела шапка...

«Если когда-нибудь появится энциклопедия Свердловского здравоохранения, в ней безусловно, крупный раздел будет посвящён ОКБ №1, которой в этом году исполняется 200 лет. За два столетия ею руководили ставшие легендарными – Лямони, Миславский, Лепешинский, Костенечкин. На рубеже третьего тысячелетия её возглавлял Евгений Самборский. При нём и без того лучшая больница области сделала мощный технологический рывок, став одной из ведущих клиник России».

«Евгений Васильевич, с вами связаны моменты высшей взлёта последнего времени: поставлены на поток кардиохирургические операции, сделана первая за пределами столицы пересадка сердца, появился единственный в России робот в белом халате – Да Винчи. Это стечение обстоятельств?»

«Хвататься некрасиво, но я скажу так: основная задача руководителя – не считать сколько пролечили, как выполнили план. Для этого большого ума не надо. Главное – создать условия, чтобы все раскрылись, объединились, дать возможность проявиться. И взять при этом ответственность на себя. Больница, конечно, была к рывку готова. Не с нуля начинали. ОКБ – мощный коллектив профессионалов, желающих и умеющих работать».

«К сожалению, медицина в России развивается скачками, все усилия направлены на центральные клиники. А высокотехнологичные больницы должны быть в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске. Мы, поставив на поток кардиохирургию, доказали всем, что тоже можем. Это признали в столицах, в Гамбурге, Дюссельдорфе».

«Российская медицина воспитывалась, не поверишь, на романтике: талантливый хирург выходит из операционной после сложнейшей операции, вытирает пот со лба. А медицина – не романтика. Это «шахтёрский» труд с огромными физическими и психоэмоциональными нагрузками, постоянным напряжением. Пациентов с хорошим характером не бывает, он уже испорчен болезнью. Понять нездорового человека, воспринять его, принять решение – самое тяжёлое. Из зарубежных клиник даже безнадёжно больные возвращаются без неприязни к больнице. Там стиль общения с пациентами другой».

«Вы часто говорите, что врач должен сомневаться...»

«Несомневающийся человек, тем более врач – вредно для здоровья. Нужно сомневаться правильно ли поставлен диагноз, не пропустил ли что, не оставил ли в живых нитку. Самоуверенность приводит к ужасным случаям».

«Меня на работу в облблдрв принимал Мехренцев. «Товарищ Самборский, с каким чувством вы идёте на работу?» «Боюсь», честно ответил я. «Товарищ Самборский боится. Это хорошо. Значит, сомневается. А раз сомневается, значит, будет ответственно подходить».

«Главного врача часто называют дирижёром...»

«Давнишнее сравнение: больница – большой оркестр, и нужно так руководить им, чтобы все играли правильно и слаженно, чтобы был результат. Мне всё равно, с кем сравнивают. Одно знаю точно: надо научиться управлять кол-



Фото Ольги БЕЛКИНОЙ

лективом. Надо хотеть этому научиться. Я учился и очень серьёзно. На курсах организаторов здравоохранения впервые понял, что есть законы управления, как законы физики. Выведены учёными смирным именем. И зная их, не важно уже чем управлять. В больнице ресурсы мощные: лечебница, конечно, была к рывку готова. Не с нуля начинали. ОКБ – мощный коллектив профессионалов, желающих и умеющих работать».

«Любое руководство – определённый вид насилия. Кому это нравится? Должны быть люди, которым руководитель не нравится. Главное – никого не унижать. Самое страшное – обидеть, не помочь, когда это требуется. Иногда не можешь, но...»

«В облблдрв вы боялись идти, а огромную больницу принимать не страшно было?»

«Сомневался. И больница была серьёзная, и время – неублажило. Когда каждый в своей норке шуршит, чтобы только его не трогали – это не больница. Коллектив должен жить одной целью, одной мыслью. Я понимаю сегодня Дмитрия Медведева и Владимира Путина, когда они говорят о модернизации, о новых технологиях. Нас именно это объединило. Кардиохирургия – на неё все работали и работают. Тем более, трансплантология. Я помню первые операции по пересадке, больница просто замирала. Люди, встречая друг друга в коридоре, шёпотом спрашивали: «Ну как, ТАМ?» Потом все привыкло, это стало обыденностью. Передо мной и снова все вместе стали набирать обороты для внедрения другой технологии. А если каждый сам по себе, то и больница страдает, и дело».

«Зачем вы построили храм при больнице?»

«Сейчас трудно объяснить, зачем. Какой-то посыл был. Но я не хочу ни с чем это связывать. Может, вспомнил своего деда-священника... Сначала появилась моленная комната, потом приехал отец Дмитрий, и мы построили храм. Не все поощряли, многие осуждали. Но храм не пустует. Алексей Второй, будучи на Урале, освятил храм на территории психбольницы. Отец Дмитрий представил ему меня. Патриарх пожал руку, взгляд был внимательный и испы-



Е. Самборский за штурвалом самолета. Фото из архива автора

«Правда, что вы все напились в тот момент?» «Правда. Когда всё было позади, сказал: «Наливай!». Потом: «Ребята, простите, я напился». Они говорят: «Мы вас понимаем. Сейчас и мы напиёмся».

«Я думаю, дело было не в количестве алкоголя, а в спаде огромного напряжения».

«Конечно. Я послал немного и вернулся в больницу. Это же мистика – пересадить сердце! Печень технически сложное трансплантировать, выводить. А сердце – насос, который надо просто поменять. Операцию делали ребята, которые всю жизнь к этому шли. Мы смотрели на нашего первого Сашу через стеклянные двери».

«Ситуация, наверное, близкая к катарсису? Подобных было много?»

«Немного. Но мне хватило. Это положительные моменты, после чего себя чувствуешь иначе. ОКБ показала всей России, что высокие технологии доступны. Когда мы собираемся с главными врачами больниц других регионов, я спрашиваю, почему они этого не делают. Говорят, нет возможностей. Сомневался. Все возможности мы создаём сами. Мне нравится фраза «Можешь и не делаешь – нехороший человек, можешь и делаешь – верный и людей поднима-

ешь на новый уровень». Самоуважение – высшая удовлетворённость».

«Вам есть за что себя уважать?»

«Лучше так скажу: я себя реализовал полностью. Сделал то, чего даже не ожидал. Я ведь когда пришёл работать, хотел одно – спасти больницу. 1996-й год – страшное время. Дефолт в 1998-м. Для кардиохирургии оксигенаторы на стерилизацию возили в Тюмень. Операции на сердце были единичные. Помню, из Ляли больного. Жена умоляла: «Я корову зарезу, мясо привезу, только прооперируйте». Привезла. Я просил займы любую крупу, но машину, чтобы кормить больных. Присылали. Писал справки, они есть в музее – «Уважаемый кондуктор и контролёр, это медсестра из ОКБ, мы не платим зарплату, но она должна быть на операции, прошу не высаживать». Потом спрашивал, действует или нет: «Пытаются высаживать, народ застывает за нас. Ходил по больнице, смотрел, и как ест. Медсестры в отделениях как завтракали, на кухне что-то всё-таки оставалось. Операционные – чай и... всё. Издал приказ – каштюрлю каши в отделение. Картошку отравил их свою выпопать, у меня два участка было. Один девчонки всё-таки выпопали».

«Как в блокаде...» «Все всё забыли. Верить в это тяжело. Но это было! И не так давно. При нашей жизни».

«Вы чувствовали, что вас любят в больнице?»

«Любовь для начальника – сомнительная вещь. Поддержка – важнее. Я жил с ощущением, что она у меня была, все судьбоносные вопросы мы решали вместе. Приглашал тех, кто мог посоветовать без эмоций».

«Я всегда вспоминаю людей, ставших основой в жизни, примером в подражании, в наставлениях, в желании повторить то, что они делали. Первый, конечно, отец. Учитель, строгих правил очень был, и в то же время демократичных. Знал, что допустимо, что нет. Заслуженный учитель, сам изучил высшую математику. Позже, работая в Буланаше, учился жизни и мудрости у шахтёров. И, конечно, Николай Стефанович Бабич – мой учитель, начальник облблдрвотдела, куда люди ездили советоваться, консультироваться, рассказать о своих бедах. Когда он умер, я рыдал как ребёнок, хотя был уже взрослым. Он был очень мудрый. В то время мудрых людей было много. Не карьеристы, а просто ответственные. Повторюсь, руководить – прежде всего нести ответственность, а не командовать».

«Какой бы яркой личностью не был главный врач, вряд ли у него что-то получится, если он один...»

«Руководителя воспитывает коллектив. Если не получается, возникают конфликты. А если хватило ума стать тем, кого требует коллектив и время, всё будет нормально. Кто в больнице решает всё? Заведующие отделениями. Главный врач при них, он создаёт условия».

«Я думаю, многие в ОКБ не раз скажут, что они начинали, состоялись как врачи, в эпоху Самборского. А вы в чью эпоху работали?»

«Таких много людей. Мне повезло. Например, Юра Завершинский, который пересадил сердце. Мы на него делили ставку. Эдуард Идов (руководитель Центра сердца и сосудов – Н.П.). Александр Левит, ему столько больницы обязана... Он во всех первых операциях участвовал: анестезиолог – 70 процентов успеха. Хирург Владимир Ощепков, другие заведующие отделениями. Они, кстати, открывали это здание больницы, придя целым выпуском лечфака: Борис Фадин, Олег Беляев, Александр Климушев, Михаил Прудков, чуть позже Наталья Климушева, Игорь Трофимов. Мощная ко-

манда. Это была основа, база, на которую я опирался».

«С вами связано и время упомогачительных КВНов. Они были в ОКБ и раньше, но при вас стали событиями. Каждый год 1 апреля в больницу стремились попасть артисты, телеканалы, депутаты...»

«Тоже потребность коллектива того времени. Когда всё плохо – смеяться. Это по-русски. Мы жили тяжело, но все были талантливы. КВНом мы обязаны Вове Рыжину (зав. физиотерапевтическим отделением – Н.П.). На первом КВНе, помню, субботник в Кремле, Ленин и Дзержинский тащат бревно. Их диалог – исключительно острый, в духе тогдашней конфронтации города и области. Его не стыдно было показать, где угодно и кому угодно. Такие мощные аналогии, что без намёков все всё поняли. КВН всегда ждали, с утра занимали места, бинтами огораживали территорию. Нам мест не хватало! Смелись до слёз. Он был нужен. Мы только вложили туда немного денег. Опять-таки же создали условия. Когда появились новые КВНшники, я переживал, полюбится ли у них. Ходил к ним, убеждал, чтобы не боялись авторитетов».

«Кроме смеха, КВН – внутренний барометр: просмеивали, до чего серьёзная администрация не доходила?»

«Наверно. Шутки были незлые, но я кое-что всегда выносил, потому что за шуткой была жизнь, которую мы не всегда знали».

«Одно время в больнице было два главных врача – ночной и дневной?»

«Мы придумали эту должность. Человек несёт ответственность за всё, что происходит ночью. Утром докладывал обо всём дневному. Это тоже попытка объединения, потому что дежурило больше 20 врачей. Каждый ночной докладывал по-своему. Кто чётко по-военному, кто мягко, кто-то рассказывал анекдоты. Наслушался! У меня даже было Анекдот Дня. Особенно урологи их любили. Частушки пели, знал, что для меня они больше удовольствия, чем анекдот».

«Что-нибудь тяготило?»

«Самое тяжёлое – приём по личным вопросам. Коллектив в основном женский, много неустойчивых судеб. Многие приходили для того, чтобы их просто выслушали. Всегда их рядом вода, полотенце: без слёз не было приёмов. Что-то пытался сделать, что-то получалось, что-то нет».

«Должность главного врача – рискованное дело?»

«Без риска, тем более без авантюризма, невозможно быть руководителем. Да, надо всё просчитать. Но и на себя взять ответственность за авантюризм мероприятие. Не авантюра при отсутствии денег начать строить? Или взять в лизинг томограф, а потом охранять его?»

«Может это чутьё, интуиция, а не авантюра?»

«Да уж, чутьё... Ещё говорят – желание выпендриться. Авантюризм!»

«Любимое место в больнице было?»

«Да. С Борисом Фадиным работала медсестра, которая великолепно варила кофе. И когда меня все доконало, шёл к ней, пил кофе, курил сигаретку. Любил к Левиту прийти просто так, поговорить, с Ощепковым. К Ларисе Волковой – помолчать на диване».

«Пост будете держать нынче?»

«Не уверен. Я ни одного поста последние время не пропускал. Но сейчас душа как-то не лежит. Не знаю, почему. Всё надо делать в своё время».

«Вы что-то не сделали?»

«Это личное. Что-то упустил, что-то сказал потом, а «потом» не бывает. Я думаю, что сделал много. Но кое-что ещё можно».

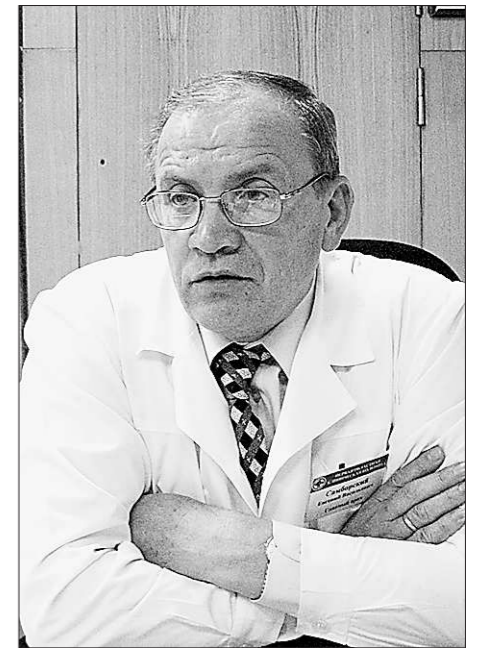


Фото Ольги БЕЛКИНОЙ

Из личного дела...

Самборский Евгений Васильевич. Родился 28 августа 1941 года в Омской области, селе Любинское, в семье учителей.

Там же закончил среднюю школу, поступил в Омский медицинский институт, который окончил в 1965 году.

Работал по направлению в Томской области врачом-стоматологом.

В 1967 году переехал в Артёмовский район Свердловской области, посёлок Буланаш.

С 1972 года – главный врач Центральной районной больницы.

В 1984 году переведён на должность заместителя заведующего областного отдела здравоохранения Свердловского облисполкома. Занимался вопросами строительства и сельского здравоохранения.

В 1995–2008 годах – главный врач ОКБ №1.

Блиц-опрос

«Если бы был выбор жить в городе или в деревне...»

«Я остался деревенским человеком. Думал, что просто Екатеринбург не люблю. Я же омский, однолюбо. Оказалось, нет. Обожаю деревню, по-другому себя там чувствую».

«Есть место, куда хочется возвращаться?»

«Сейчас в Малиновку. Я там провожу много времени. Думаю, пройдёт».

«Что читаете сейчас?»

«Такую вещь «Я, наверное, что-то съел». Человек-исследователь: ест и оценивает. Шоколад, суши, вина... Насколько вкусно пишет об этом. Мне вообще нравятся люди, которые любят жизнь. Обожаю Ниро Вульфа».

«Вы гурман?»

«Нет, но мне нравится, когда о еде говорят вкусно».

«Сами готовите?»

«Немного, иногда. На даче часто делаю отбивные в пиве. Недавно освоил яичницу с приправой».

«Один в лесу не пропадёте?»

«Кто его знает. Боюсь сказать, что не пропаду. Но зачем геройствовать?»

«Путешествия явно любите?»

«Обожаю. Но только не по музеям. Люблю полужесткоальпийский отдых – быстрые реки, сплавы, рыбалку, хорошую компанию».

«Как попали за штурвал самолёта?»

«Я человек увлекающийся. Появился шанс – не отказался попробовать полетать. Но понял, что из меня бы лётчик не получился. Но тогда летали на современном бомбардировщике. Удивительные, ни на что не похожие ощущения».

«Приходите обращаться в больницу по поводу собственного здоровья?»

«И достаточно часто. По месту жительства в поликлинику не хожу. Чаще всего – в областную больницу».

«Лучший спорт для вас – русская баня?»

«Баня? Да, баню очень люблю, но не в качестве спорта. Спорт – это движение: прогулки по лесу в небольшой компании, зимой много и с удовольствием езжу на снегоходе, летом – на квадроцикле».

«Горные лыжи?»

«Обязательно. Катаюсь. Чаще всего на горе Ежовой».

«Интернет – ваш друг?»

«Информатор. Смотрю там все новости, ищу адреса, телефоны. Но сказать, что с компьютером на ты пока не могу».

«Чаше думаете о прошлом или будущем?»

«О прошлом. В том смысле, что часто сравниваю происходящее с прошедшим, обдумываю пережитое».

«Живёте одним днём?»

«Нет! Наперёд планов очень много».

Коллектив должен жить одной целью, одной мыслью. Я понимаю сегодня Медведева и Путина, когда они говорят о модернизации, о новых технологиях. Нас именно это объединило.

Должны быть люди, которым руководить не нравится. Главное – никого не унижать. Самое страшное – обидеть, не помочь, когда это требуется.